

Интервью перед дорогой

«На лестнице хлопают двери. Прощайте, прощайте...» — Мелодия кружилась в голове, звучала в такт шагам... Я шла к известному нашему барду Евгению Исааковичу Клячкину. Шла прощаться, зная, что вскоре он покидает страну, и не на месяц или на год — навсегда. Страшное слово.

Только что рассказав об этом знакомым, услышала от молодого и интеллигентного человека:

— Да пускай едет! Подумаешь! — И сколько злости в этом прозвучало. Наверное, так же когда-то говорили вслед Аксенову, Войновичу, Любимову... А сейчас мы встречаем их как триумфаторов, и журналисты выстраиваются в очередь на интервью. Трагично, но понятно. Они уезжали в печально известные времена.

А что гонит человека из страны сегодня, в благословенную эпоху демократии и плюрализма!

— Вы ЗНАЕТЕ, у меня ведь состоялись прощальные концерты, где я пытался объяснить. Объяснение — это целый концерт. Сейчас попробую это сделать без песен и стихов.

Я глубочайшим образом разочарован. Нет, я могу предположить, что у нашего руководства в лучшем случае были добрые намерения. Знаете, интеллигенция свойственно очаровываться. И я был очарован, и 85-й год понял так: «Им» стало стыдно. «Они» подумали: «Хватит, назимывались». Ну, должен был кто-то начать. И вот пришли наконец к власти совестливые люди — так я тогда понимал происходящее. Даже тест провел своеобразный...

— Какой тест?

— Я должен был в 88-м году ехать в Австралию. Это моя первая капиталистическая страна, и вообще единственная в моей жизни граница (ну, не считая Польши, где я был в 66-м году).

(Перепечатывается с незначительными сокращениями из ленинградской газеты «Смена»).

А я тогда написал стихотворение, где упоминались Лига-чев и Щербицкий, руководивший тогда Украиной... Знаете, первый раз написал такой плакатный стих, без полутонув... Сейчас-то он уже не актуален, а тогда только-только было опубликовано послание Нины Андреевой, и я не мог промолчать. И прочитал его в Харькове — там проходил тогда праздник юмора. Меня удивила реакция зала — все встали. Когда человек рискует и сам зажигает под собой костер — это же всегда видно! Очень интересно, как там все происходит, горят ли сучки, где спичечка... А через месяц мне надо было улететь. И — ни-чего! Улетел. И там, в Австралии, сказал: «Ребята! У нас теперь другая страна». Они спрашивали, не хочу ли я остаться. «Да что вы! У нас через год бюджет, как у вас, еще и лучше!» Такое было доверие.

Ну вот, я вернулся, весь «розовый» и... ба! — партийная конференция, и я вижу Лигачева, и он 200 миллионам зрителей говорит, что средняя зарплата партийного работника — 216 рублей... Мол, не

лучше вашего живем. Но я-то ежжу по стране, я все знаю. Мне хочется крикнуть: «Выйди в кремлевский буфет, посмотри, что на рубль можно купить! И что во Владивостоке в привокзальном буфете купишь на тот же рубль!»

Знаете, это вранье предполагает отсутствие возмездия. Я пришел к выводу, что пока-ние наступает у этих людей только тогда, когда возмездие неотвратимо.

Потом мы избрали съезд,

тин Григорьевич? Вы же интеллигенты, вы же русские демократы! Как же так? Вас же господь талантом наделил! Ути-раться от плевков в пятьдесят с лишним лет? Я готов выйти на трибуну, но выйти на нее как еврей — я не хочу. Я хотел бы выйти как гражданин. Если все это расцветает у нас, о демократии речь идти не может.

Ему все время хотелось говорить о стране, о политике. Объяснять, доказывать... Я уже

связи с песнями, которые я пою. Я же пишу правду. И говорю.

— И все-таки расскажите тем, кто так вас и не узнал, как все начиналось? Когда вы стали писать песни?

— Это был 61-й год. Представьте себе потрясение очень юного человека от вторжения таких категорий, о которых мы и помышлять до этого не могли. Нам раньше казалось, что ничего общего между нами и государством нет. И быть

— Но ведь она же лириче-ская. Ну, что там такого...

Она: — Но мы вам не реко-мендовали. А вы — спели!

И ведь говорила, что любила авторскую песню.

У Шаламова, знаете, есть рассказ о чекисте, который занимался писателями, и стал собирателем книг, величайшим знатоком Бабеля, помните? Страшный рассказ. Он их за решетку сажал, и они умирали в отбросах, как Мандельштам. Эти отбросы, они как брилли-

ант, должны засиять в поко-лениях. Им стыдно должно быть за все это.

— Но ведь были взлеты, ког-да вы чувствовали, что зал — с вами?

— Ну конечно! Я ведь жил ради этого! И это великое сча-стье...

— Авторская песня — это ведь явление наше, отечествен-ное. Помните кадры, где Га-лич поет на открытой эстраде в Париже, а мимо равнодушно идут люди, разговаривают, жуют...

— Я еду не в Париж, а в Израиль... Что меня ждет там? Не знаю. Я буду делать то, что делал, но в новых услови-ях. Врать все равно не буду. И, наверное, дифирамбы им петь не стану. Мои песни ведь все приземлены. Они о том, что нас тревожит и бьет. Мы ведь все, как эвентки: что ви-дим — о том и поем. Но я го-тов к худшему. Не смогу петь — что ж, двадцать пять лет моего пребывания у кульмана что-то значат. Я — инженер-конструктор, проектировщик и смогу прокормить свою семью.

Я вдруг представила себе страну без тех, чьи песни пе-ла и пою до сих пор. Их имена исчезнут с афиш, не будет но-вых пластинок... Ну, на теле-экранах они и так появлялись нечасто. Новые песни будут

«Помнишь этот город, вписанный в квадратик неба...»

Я тогда проникся городом. И русская старина открылась мне через Псков. Это одна из лучших моих песен. Город вспомнил о ней?

И дело не в том, что я тщеславен; а в том, что на нас плюют. Не во мне дело. Брод-ский гениально написал:

«Но кто-то пишет далее меня...».

Были, наверное, и те, кто писал «далее» Бродского. И умерли, то ли спившись, то ли в психушке где-то...

— Но бардовская песня все-таки живет...

— Они не знают, что с нами делать. Сначала прижимали, потом обком ВЛКСМ дал нам премии, послал на слет, потом замалчивали...

Они сменяются как... как сле-дователи на «конвейере». Их много, а я один. И волосы се-деют...

Я вот был убежден, что

«Битлз» и мы — одного поля ягоды. Я не говорю об уровне. У них уровень музыкальности потрясающий, но что бы стало с нашим уровнем, получи мы в свое время поддержку. Мы принесли в песню слова, а они — мелодию. Две культуры могли бы пересечься, и какие бы искры мы могли бы тогда высечь — кто знает.

— Но ведь авторская песня — это песня гитарная?

— Ее сделали гитарной. А должна была быть — профес-сиональной. Это хорошее сло-во. Предполагает владение ремеслом.

— Кого из бардов вы цени-те, любите?

— Я бы назвал Высоцкого, Галича, Окуджаву, Кима. И, на-верное, никого бы рядом не поставил (из тех, кого знаю).

На себя, на свой талант смот-рю достаточно трезво.

Так, уйдя от политических проблем, мы заканчивали бесе-ду... Но слово «отъезд» не за-бывалось. Оно стояло перед глазами. И взгляд волей-нево-лей натывался на картонные коробки, ящики, чемоданы... И мой собеседник время от вре-мени возвращался к этой те-ме:

— Газета «Смена» первой в мире написала об мне. И по-следней. Какая-то логика в этом есть. Какая-то жизнь у меня получается... завершен-ная.

— Первый этап ее?

— Да, первый... Длинный, правда, этап... В 72-м году я про своего друга написал пес-ню. Но это про меня.

Я поняла, о какой песне он говорит:

«Я прощаюсь со страной,

где

Прожил жизнь, не разберу

почу.

И в последний раз пока

здесь

Этот воздух, как вино,

пью...»

Алла БОРИСОВА.

„Я прощаюсь со страной, где...“

который оказался недееспособным. Маленькая региональ-ная группа уже раздирается противоречиями. Был один человек — Сахаров, который мог бы сказать и бороться, но его заклевали, его согнали с трибуны...

Вы знаете, я же не уезжаю тихой сапой. Зачем мне тогда был бы этот прощальный кон-церт, зачем интервью... Мой отъезд — это моя последняя политическая акция, последний мой шаг в этой стране. Трав-кин говорит по телевидению: «Уезжают те, кто производит. Остаются же, кто распределя-ет». Ну, распределяйте...

— Но уезжая, вы уезжаете не только от «них». А ваши слушатели?

— Да, мне говорили! «Вас же любят...». Это была еще одна моя иллюзия. Пока мы были под прессом, я был уверен, что мы так однородны, едины в своих стремлениях. Я читал Василия Белова, такого гуман-ного в своей повести «При-вычное дело». Читаешь ведь, и плакать хочется: господи, до чего деревню довели...

И вдруг эти митинги, эта озлобленность, антисемитские обвинения, которые звучат все громче и громче. Как? Руки па-дают. Это я, что ли, виноват? Куда же вы тогда смотрите, Ва-силий Иванович? И вы, Вален-

знала, так всегда бывает перед отъездом. Ведь там это уже никого не будет интересовать. Наши проблемы останутся с нами.

— Евгений Исаакович, это прощание для некоторых моло-дых читателей будет, наверное, знакомством. Не все вас зна-ют, не все слышали песни...

— Стоп. Я вас перебыю. А почему «не все слышали»? Я ведь не бросал писать песни все эти тридцать лет. К стати, это еще одна причина моего отъезда. Как избирательны на-ши радио и телевидение! Они приглашают старого, седого барда Клячкина и выставляют его с тремя песнями на «Ринг». Сталкивают его с рокерами, с детьми, которые спрашивают: «А почему вы не поете нам о подворотнях, алкоголизме и наркоманиях?» А я отвечаю: «Почему же вы к Майе Плисец-кой этих претензий не предъ-являете? Что же она не идет к вам в подворотню? Может, лучше вам на балет сходить? Или ко мне на концерт...». Но они меня не знают, потому что не видят меня на экранах.

Ну что такое три песни! Мне нужен был вот этот двухчасо-вой разговор, который мы с вами ведем здесь, на кухне. Мне же есть что сказать моим слушателям. Мы бы погово-рили о Сахарове, о Горбачеве в

не может. И вдруг нас призва-ли — так нам показалось.

Предполагал ли Хрущев, что поднимется такая волна обще-ственного самосознания? Она была на порядок выше, чем сегодня, хотя гласность сейчас выше на два порядка. Тогда мы пьянели от чувства, что мо-жем заявить о себе как лич-ность. Твои мысли, пережива-ния кого-то волнуют! И ты их можешь высказать! Это было употенно. Вознесенского и Евтушенко прямо вознесло на гребне этой волны. А потом отсекло от всего остального этаким ситечком. Так мне пред-ставляется. И они стали про-цветать там, наверху, а мы по-тихонечку плесневеть внизу, в болоте застоя, вне гласности, вне всего.

Но они там, наверху, как мне кажется, не просто так си-дели, а протухали немножко, что ли?

А я... Нет, меня минули гро-зы. Если не считать грозой то-го, что жизнь прошла не впу-стую, нет, а в таком... придер-живанье. Я до сих пор чувст-вую на горле этот ошейник.

Доброжелательная такая женщина из ДК пищевииков го-ворит:

— Женя, мы ведь вам не ре-комендовали петь песню «На море» в Риге, а вы все-таки спели, и мы знаем об этом.

анты, должны засиять в поко-лениях. Им стыдно должно быть за все это.

— Но ведь были взлеты, ког-да вы чувствовали, что зал — с вами?

— Ну конечно! Я ведь жил ради этого! И это великое сча-стье...

— Авторская песня — это ведь явление наше, отечествен-ное. Помните кадры, где Га-лич поет на открытой эстраде в Париже, а мимо равнодушно идут люди, разговаривают, жуют...

— Я еду не в Париж, а в Израиль... Что меня ждет там? Не знаю. Я буду делать то, что делал, но в новых услови-ях. Врать все равно не буду. И, наверное, дифирамбы им петь не стану. Мои песни ведь все приземлены. Они о том, что нас тревожит и бьет. Мы ведь все, как эвентки: что ви-дим — о том и поем. Но я го-тов к худшему. Не смогу петь — что ж, двадцать пять лет моего пребывания у кульмана что-то значат. Я — инженер-конструктор, проектировщик и смогу прокормить свою семью.

Я вдруг представила себе страну без тех, чьи песни пе-ла и пою до сих пор. Их имена исчезнут с афиш, не будет но-вых пластинок... Ну, на теле-экранах они и так появлялись нечасто. Новые песни будут

«Помнишь этот город, вписанный в квадратик неба...»

Я тогда проникся городом. И русская старина открылась мне через Псков. Это одна из лучших моих песен. Город вспомнил о ней?

И дело не в том, что я тщеславен; а в том, что на нас плюют. Не во мне дело. Брод-ский гениально написал:

«Но кто-то пишет далее меня...».

Были, наверное, и те, кто писал «далее» Бродского. И умерли, то ли спившись, то ли в психушке где-то...

— Но бардовская песня все-таки живет...

— Они не знают, что с нами делать. Сначала прижимали, потом обком ВЛКСМ дал нам премии, послал на слет, потом замалчивали...

Они сменяются как... как сле-дователи на «конвейере». Их много, а я один. И волосы се-деют...

Я вот был убежден, что

«Битлз» и мы — одного поля ягоды. Я не говорю об уровне. У них уровень музыкальности потрясающий, но что бы стало с нашим уровнем, получи мы в свое время поддержку. Мы принесли в песню слова, а они — мелодию. Две культуры могли бы пересечься, и какие бы искры мы могли бы тогда высечь — кто знает.

— Но ведь авторская песня — это песня гитарная?

— Ее сделали гитарной. А должна была быть — профес-сиональной. Это хорошее сло-во. Предполагает владение ремеслом.

— Кого из бардов вы цени-те, любите?

— Я бы назвал Высоцкого, Галича, Окуджаву, Кима. И, на-верное, никого бы рядом не поставил (из тех, кого знаю).

На себя, на свой талант смот-рю достаточно трезво.

Так, уйдя от политических проблем, мы заканчивали бесе-ду... Но слово «отъезд» не за-бывалось. Оно стояло перед глазами. И взгляд волей-нево-лей натывался на картонные коробки, ящики, чемоданы... И мой собеседник время от вре-мени возвращался к этой те-ме:

«Я прощаюсь со страной,

где

Прожил жизнь, не разберу

почу.

И в последний раз пока

здесь

Этот воздух, как вино,

пью...»

Алла БОРИСОВА.